

Да, я партизан

Полицейские подвели арестованного мальчишку к зданию комендатуры. Один из них, придерживая на боку немецкий автомат, направился в открытую дверь. Второй снял с мальчишки винтовку, развязал ему руки.

Под ветвистой акацией сидели женщины. Их насильно эти же самые полицейские заставили работать на кухне.

– Люся, глянь, эти псы мальчонку привели, – Надежда Иващенко кивнула в сторону арестованного. Детей уже хватают, изверги.

Люся бросила очищенный картофель в оцинкованное ведро, повернулась.

Подле порога стоял белобрысый щуплый подросток. На нём висел серого цвета грязный, разорванный, длинный, чуть не до колен, пиджак. Видно, что не с его плеча. Штаны с круглой латкой на коленке не прикрывали щиколоток запылённых босых ног. Его скуластое лицо со вздёрнутым носом было всё в синяках.

– Не узнаю: чей же это. Хлопчик, мабудь, из другой станицы. За що ж его?

Мальчик вытер рукавом пиджака вспотевший, поцарапанный лоб, посмотрел голодным взглядом на лежащий картофель, на воду в бочонке, на раскрытые окна кухни, оттуда пахло жареным,

– Тетя, – хрипло сказал он, – дайте водички.

Надежда Иващенко зачерпнула из ведра воды, дала мальчику. Тот стал жадно пить...

Из комендатуры вышел гитлеровец. Коротким ударом он выбил из рук мальчишки кружку, закричал:

– Нет пить, партисан. Нет! – и наотмашь удара по лицу арестованного. Потом рванул борт пиджак. Грудь мальчишки опоясывали пулемётные ленты. Ты партисан?

Паренек выпрямился, блеснув синими глазами, сказал:

– Да, я партизан. А ты фашист!

Подскочил полицейский, ударил мальчишку ногой. Тот согнулся, упал.

– Его расстрелять, – спокойно сказал офицер подошёл к женщине, стоявшей тут же рядом, бледной растерянно смотревшей на гитлеровца.

– А эту бить!

Полицейские поволокли мальчика в сарай, где фашисты пытали заключённых. Перепутанную, заплаканную Надежду Иващенко отпустили чистить картофель. А вечером её избили до потери сознания только за то, что она дала воды арестованному. Это был Ваня Масалыкин, пионер, ученик 6-го класса Новопокровской средней школы № 1.

До оккупации станицы Ваня Масалыкин жил у старушки Марфы, дальней родственницы матери. Своего отца он почти не помнил, но мать часто рассказывала ему о нём. Отец в период коллективизации создавал колхоз, смело строил новую жизнь. Но не по душе пришёлся кулакам 25-тысячник, рабочий Масалыкин. Однажды вечером его убили из-за угла. Позже умерла и мать.

В первые же дни оккупации, когда гитлеровцы рыскали по дворам колхозников, забежали два солдата и к бабушке Марфе. Они поволокли со двора поросёнка. Старушка бросилась отнимать. Тогда рыжий гитлеровец ударил Марфу автоматом. К вечеру она скончалась. И остался Ваня Масалыкин совсем один. В тот вечер Ваня не ночевал дома. Он решил мстить немцам за бабушку, полицаям-кулакам за отца.

У Соловьёвского моста, через реку Ея, рос густой камыш и высокий кустарник. Здесь Масалыкин отыскал заброшенные окопы, неплохо замаскированную землянку, «Хорошее убежище, – подумал Ваня. – Поселюсь-ка я здесь. Налетать буду на гадов, мстить».

Вскоре Ване удалось раздобыть несколько гранат, три коробки пулемётных лент, два немецких автомата, винтовку и карабин. И вот первая засада. Мальчишка волновался: впервые будет стрелять в людей. Но тут же вспомнил предсмертные стоны бабушки Марфы и подумал: «Не люди они, а звери. Бить их надо. Биты!»

Ваня прилёг на бугре, положил рядом заряженную винтовку. Ждать пришлось долго, мальчишка задремал. Его разбудил треск мотоцикла. Выруливая на мост, гитлеровец затормозил – и тут же прогремел выстрел.

После выстрела в ушах звенело, в правом плече чувствовалась боль от приклада. Ваня вскочил. Он успел увидеть, как фашист взмахнул руками, а мотоцикл по инерции пробежал несколько метров вперед.

Трофеи – автомат, гранату, полевую сумку – мальчишка спрятал, а мотоцикл и гитлеровца утопил в реке.

Через несколько дней на другой окраине станицы оккупанты обнаружили труп полицейского. Это тоже была работа Вани.

А сегодня его постигла неудача. По дороге, поднимая пыль, легко катилась тачанка. В ней сидели два полицейских. Ваня решил обстрелять предателей.

У моста лошадь пошла шагом. Полицейский, сидевший с его стороны, смотрел в камыш, словно старался кого-то увидеть.

Раздался выстрел, потом второй. Гнедой рванулся вперед, а полицейские поспешно соскочили с тачанки, залегли. Завязалась перестрелка.

Вдруг Ваня услышал сзади себя шорох и поднялся. Совсем неподалеку, за кустом, он увидел полицейского.

– Получай, предатель! – крикнул мальчик и бросил гранату.

Он прижался к земле, густо поросшей травой, ожидая взрыва. Но граната не разорвалась. В спешке Ваня забыл выдернуть предохранительную чеку. Тут на него навалился второй полицейский, Масалыкина избили, связали ему руки, на шею повесили винтовку и, подталкивая автоматами в бока, повели в станицу. В жандармерии его допрашивали, били, требовали назвать фамилии партизан и указать место, где скрывается отряд. Ваня, хоть и не знал, где расположен партизаны, говорил одно:

– Ничего я вам не скажу, гады! Я не предатель.

Снова начали пытаться. Потом надели на него пулемётные ленты, вложили в карманы гранаты и повели в комендатуру. В этот же день Ваню расстреляли.

После освобождения станицы от немецко-фашистских войск останки юного героя Вани Масалыкина были перенесены в братскую могилу, на которой не увядают свежие цветы.

Публикуется по: Матвеевко, Ю. Да, я партизан // Помни их имена / под ред. В. Т. Иваненко, В. Н. Приходько. – Краснодар, 1962. – С. 31 – 35.